

В принципе, человечество можно разделить на две «духовные расы» - расу земледельцев и расу кочевников. Они различаются по отношению к Бытию и Хаосу - тем полюсам реальности, на взаимодействии которых и основан наш земной мир. Земледельцы, безусловно, предпочитают гармонию оседлости, в то время как кочевники - хаотический беспорядок блужданий.

Необходимо сразу сделать одну существеннейшую оговорку. Выделенные нами духовно-расовые типы далеко не совпадают с этническими. Конечно, внутри определенного этноса доминирует либо один, либо другой тип, но в то же время там присутствует достаточно большое количество представителей подчиненного типа. Порой оно настолько велико, что может стать доминирующим.

В этом случае меньшинство оказывается способным осуществить переворот, после которого политико-экономическая ситуация внешне напоминает прежнюю, однако на самом деле уже полностью определяется иными факторами и силами. Так, современные индоевропейские сообщества, для которых традиционно характерно преобладание оседлости, внешне представляют собой высокоразвитые государственные образования «оседлого типа», тогда как в реальности в них хозяйничают «внутренние кочевники», ведущие мир к хаосу смешения (этнического, социального, полового). В рамках такого «нового мирового порядка» человек должен будет почти полностью утратить фиксацию в пространстве, постоянно меняя свое место жительства в зависимости от темпов продвижения торгово-финансовых потоков и изменения конъюнктуры. Известный теоретик и практик мондиализма Ж.Аттали с поразительной откровенностью охарактеризовал такой «порядок» именно как «строй новых кочевников».

ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И КОЧЕВНИКИ

Автор: Александр Елисеев

11.07.2010 13:01 - Обновлено 11.07.2010 13:17

Для лучшего понимания подобных метаморфоз необходимо рассмотреть основные закономерности существования двух мета-рас.

ЛЮДИ ИМПЕРСКИХ ПРОСТРАНСТВ

«Земледелец», как уже отмечалось, ориентируется на Порядок. Он преодолевает хаос, пытается усилить бытийность мира, возделывать его как сад, как поле. Уподобляясь Богу-Творцу (описываемому в традиционной метафизике как Чистое Бытие), который создает из добытийного хаоса первоматерии оформленные «вещи», земледелец преобразует пространство, что выражается не только (и даже не столько) в занятии аграрным хозяйством. Земледельцы возделывают землю как планету, организуя ее простор в грандиозные империи, противостоящие хаотической дикости варварского мира. Здесь наблюдается потрясающий, по своей сакральной мощи, символизм - вертикальный имперский Принцип (персонифицированный обычно в фигуре Императора, подобного Богу) подчиняет себе горизонтальную поверхность земли (образ тварной реальности), как бы образуя Крест, отождествляемый в метафизике с Мировым Древом - Нетварной Осью, пронизывающей миры и открывающей им доступ к «небу небес».

Происходит воспроизведение процесса сотворения мира, осуществляется задействие изначальных космогонических архетипов. Мир творится заново, изживает свою хаотичность, пронизывается лучезарным светом имперского порядка. Можно сказать, что мир становится настоящим миром, «Римом» (интересно отметить обратное прочтение слова «мир» в русском языке «Рим»), иерархически устроенным и строго очерченным целым. М.Элиаде писал по этому поводу следующее: «Идет ли речь о возделывании целинных земель или о завоевании и занятии территорий, населенных «иными» человеческими существами, ритуал овладения в любом случае должен повторять космогонию. С точки зрения древних обществ, все, что не является «нашим миром», еще не «мир». «Своей» территория становится лишь после ее «сотворения» заново, т.е. освящения. Это религиозное поведение по отношению к неизведанным землям...просуществовало вплоть до начала современной истории. Испанские и португальские «конкистадоры» захватывали во имя Иисуса Христа открытые и покоренные ими земли. Возведением Креста они освящали местность, придавая ей этим актом как бы «новое рождение»: «Кто во Христе, то новая тварь; древнее прошло, теперь все новое» (2 Кор. 5, 17). Вновь открытые страны были «обновлены», «вновь сотворены» Крестом». Сюда нужно только добавить, что «творит» эти земли, в первую очередь, Властелин, Вождь, Император - символ великой, неподвижной, нетварной «Оси» («Древа»), вокруг которой вращается изменчивый тварный мир.

«Земледелец» четко фиксирует себя в пространстве, покоренная и преображенная земля становится для него священной, воспринимается как мать - супруга богоизбранного Отца - Императора (вспомним : «Царь-батюшка, Россия - матушка, а мы - их дети»). Он исповедует (именно исповедует!) территориальный, имперский патриотизм, который, впрочем, сочетается (в нормальных условиях) с племенным национализмом Крови - родная земля пропитана кровью сородичей, павших в бою за величие и свободу расы.

В земледельческих, оседлых сообществах наиболее полно реализуется принцип классической, традиционной, т.е. максимально соответствующей Порядку и гармонии, иерархии, предполагающей господство земельной аристократии. В высшей степени характерно, что индоарийское слово «кшатрий» (аристократ», «воин» - ср. с «кшатра» - «сила», «мощь») этимологически связано с такими словами как «кшетра» («поле») и «кшатрам» («надел, полученный воином»). Поле (объект земледелия) очень часто выступает как пространство, где происходили величайшие сражения - мифические (Идавель-поле, Курукшетра) и исторические (Куликовская битва, Косово поле). Для нас, русских, особенным символизмом обладает Куликово поле, на котором славяне-земледельцы одержали первую и решающую победу над кочевниками-монголами. Обращает внимание, что Куликово поле находится в Тульской области, ведь Туле - имя священной арийской страны.

Земледельческие сообщества всегда отличаются эстетической насыщенностью, возникающей за счет присущего им социокультурного многообразия. Это сложнейшие организмы, в которых аристократы-землевладельцы, соратники «хозяина всей земли» - Царя - управляют традиционным коллективом мелких землевладельцев и каждая часть такой системы символизирует покорение и преобразование пространств.

Земледельческая цивилизация характеризуется высочайшим уровнем развития ремесел и промышленности. Эти виды хозяйственной деятельности, по сути, являются производительной переработкой земли, вернее сокрытых в ней богатств и произрастающих из нее растений. В высокоразвитых сообществах земледельцев, организованных в империи, возникают и стремительно расширяются самые передовые области - города - центры ремесленного, а в последующем и промышленного производства. Если империи отгорожены от варваров или враждебных империй (те и другие символизируют Хаос), то города как бы являют собой империю в империи - «упорядоченный порядок», отгороженный (ср. «город» - «отгородить») от менее развитых областей. Поразительно, но слово «город» теснейшим образом связано с растительной, земледельческой тематикой, а через нее и с тематикой мистической, сакральной. Тут нужно сопоставить два слова - «город» и «сад». «Эквивалентность образов «сада» и «города», - пишет С.С.Аверинцев, - для архаичного мышления выражена уже в языке (слав. град означало и «город» и «сад, огород», ср. градарь, «садовник», вертоград, немецкое Garten, «сад»). Они эквивалентны как образы пространства «отовсюду отгороженного»...и постольку умиротворенного, укрытого, упорядоченного и украшенного, обжитого и дружественного человеку - в противоположность «тьме внешней» (Матф. 22, 13), лежащему за стенами хаосу...».

Для земледельца характерно также гармоническое восприятие действительности, стремление отразить ее в произведениях искусства. Будучи устремлен к Бытию, он лучше выделяет структурность мира, его оформленность, пропорциональность соотношения различных частей. Особенно великолепно воспринимается им структурность пространства, протяженность различных предметов, поэтому лучше всего земледелец реализует себя в области изобразительного искусства. Однако, он не чужд музыки и поэзии - здесь такую же важную роль играет чувство гармонии и формы.

АГЕНТЫ ХАОСА

Кочевники представляют собой совершенно иной человеческий тип. Они стремятся уподобиться Хаосу, воспроизвести до-космический архетип изначальной, аморфной, неструктурированной материи, из которой по воле Творца возник мир оформленных «вещей». Эта материя имеет своим символом воду, что не случайно - вода является слабо фиксированным началом, склонным к растеканию. К такому растеканию склонны и кочевники-скотоводы. В то время как земледелец гармонизирует и оформляет мир, кочевник его разрушает, уничтожая высокоразвитые земледельческие области, разнося в прах чудесные города. Кочевник как бы возвращает мир в состояние, в котором он был до слов: «Да будет Свет!», во «тьму над бездной», когда «земля была безвидна и пуста» и «Дух Божий носился над водою». При этом сам кочевник в большинстве случаев поклоняется Творцу, а ориентация на Хаос возникает у него подсознательно, как наследие каких-то очень древних и тревожных времен, времен формирования духовных рас. Здесь стоит обратить свои взоры к самому началу праистории, к двум праматерикам - Гиперборее и Гондване. Первый, северный материк был населен (в основном) полу-божественными героями, второй, южный - полу-демоническими недочеловеками (при этом на обоих материках жили и другие расы). Очевидно, что в некоторых цивилизациях очень велико количество сынов Гондваны, нормальные же, традиционные параметры там сохраняются как плод усилий (сознательных или бессознательных) сынов нордической Гипербореи. Тем не менее, гондванический архетип тут все равно сильнее (что не является чем-то фатальным, тип цивилизации может меняться).

В экономическом отношении кочевничество основано на скотоводстве - иной порядок немислим при той степени подвижности, которая ему присуща (животных, в отличие от полей и угодий, можно брать в поход). Налицо самый легкий способ производственной активности - выращивать скот легче, чем обрабатывать землю, последнее особенно тяжело в условиях непостоянства климатических условий.

Символизм, связанный со скотом гораздо менее значим для Традиции, хотя полностью его минимизировать ни в коем случае нельзя, особенно, если учесть, что оседлое скотоводство, подчиненное земледелию, не противоречит Порядку. В индоевропейском язычестве скот символизировал души умерших, находящиеся в потустороннем мире. Боги, связанные с этим миром воспринимались как небесные пастухи, опекающие

мертвых (у славян таким пастухом был «скотий» бог Велес). В христианстве со скотом соотносят паству, ведомую Христом - «добрым пастырем». Здесь, в принципе, нет ничего оскорбительного, такие сравнения связаны со спецификой религиозного поведения большинства верующих, ориентирующихся на экзотерическую (внешнюю) сторону своей веры. Однако, христианский символизм паствы, как, впрочем, и языческий символизм загобного стада, связаны с низшей, так сказать, «массовой» ступенью религиозного мировосприятия, они задевают, в основном, пассивное начало в человеке, необходимое для смирения перед Богом, но недостаточное для соединения с ним (символы скота характеризуются четко выраженной приземленностью, т.к. связаны с вертикальным, земным перемещением).

Напротив, растительный символизм подчеркивает не подчинение потустороннему «пастырю», а реальное присутствие Бога в мире. Таково значение стебля или ствола в мистической интерпретации природы. Их соотносят с нетварной (Божественной) Осью, связывающей небо, землю и подземелье. Показательна и устремленность растения ввысь.

Сам за себя говорит факт этимологического тождества слов, обозначающих скот и богатство. Оно наблюдается во многих индоевропейских языках. Так, лат. ресу («стадо, скот») тесно связано с лат. ресипиа («состояние, деньги»), и более того, восходит к реконструированному праиндоевропейскому *реку, которое означало как первое, так и второе. В германских языках наблюдается то же самое: древне-северное fe переводится как «скот, имущество, деньги», древнеанглийское feoh как «стадо, движимость, деньги». Нельзя не упомянуть и о древнерусском «скотьем» боге Велесе, который покровительствовал торговцам и скотоводам.

Причины такого отождествления торговли и скотоводства весьма понятны. Наиболее легкие виды хозяйственной активности приносят и наиболее «легкие» деньги. Весьма легко торговать предметами, произведенными кем-то другим. Поэтому второй (если только не первый) источник материального благополучия кочевников - грабительские набеги, обеспечивающие выгодную торговлю захваченной добычей и эксплуатацию взятых в полон ремесленников.

Для кочевников, вообще, характерен культ богатства и роскоши, из их среды зачастую возникали мощнейшие торгово-ростовщические корпорации..

ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И КОЧЕВНИКИ

Автор: Александр Елисеев

11.07.2010 13:01 - Обновлено 11.07.2010 13:17

В известном смысле, торговцев можно назвать «кочевниками от экономики». Торговля продуктами чужого производства и деньгами (ростовщичество) представляет собой крайне подвижный способ функционирования хозяйства и, в случае, если она сосредоточена в руках особой прослойки (а это в огромном количестве случаев и происходит), может рассматриваться как паразитизм на чужом труде. Именно от торгашеских, банкократических кругов всегда исходила угроза могуществу земледельческих империй. В конечном счете, эти круги, при помощи контролируемых ими тайных обществ, осуществили все т.н. «буржуазные» революции, ответственность за которые лежит не столько на промышленниках, сколько на посредниках-паразитах, кровно заинтересованных в подчинении себе производителей. Это подчинение практикуется ими в целях чисто кочевнической эксплуатации чужого труда. Естественно, самодержавная власть монархов, независимых от различных олигархий и опирающихся на дворян-землевладельцев, рассматривалась торгашами в качестве главного препятствия.

Кстати сказать, в древнейших индоевропейских сообществах (в основном, славянских и германских) не существовало касты торговцев, а сами торгово-посреднические функции выполняло государство.

Выше мы уже описывали ситуацию «кочевого» перерождения индоевропейских оседлых цивилизаций, которое инициируется внутренними кочевниками. Нами было отмечено сохранение там внешних черт, присущих оседлым «земледельцам». Это нужно в полной мере отнести и к нынешнему промышленному процветанию Запада, казалось бы абсолютно соответствующему «земледельческому» архетипу. Современная высокоразвитая западная промышленность захвачена внутренними кочевниками (подобно тому как в древности захватывались ремесленники), которые используют ее мощь в целях распространения собственного торгово-финансового влияния по всему свету. Под стратегическим руководством «новых кочевников» - мондиалистов (мы предлагаем использовать также и термин «номадизм») происходит задействие технологий преимущественно в целях потребления, т.е. тут идея материализма доведена до пределов своего воплощения - человек превращается в довольного, пресыщенного скота, реализующего лишь плотский аспект своего существования. Но от неразумной плоти (вещной материи) недалеко и до материи изначальной, тому самому Хаосу, который царил до появления Света. Так происходит символическое уподобление ничтожащему Хаосу - достигается главная цель оккультных набегов «новых кочевников».

Этой же цели служит и социальное смешение, предельно упрощающее иерархию, делающее ее подвижной и проницаемой. У кочевников древности тоже была крайне примитивная общественная организация, основанная на власти деспота, управляющего

ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И КОЧЕВНИКИ

Автор: Александр Елисеев

11.07.2010 13:01 - Обновлено 11.07.2010 13:17

дикой ордой кочевников, способных только разрушать. Аристократии, как таковой здесь не существовало - деспот властвовал над массой «воинов»-торговцев (торговцев чужим), обходясь без каких-либо сложных социальных структур (этакая первобытная демократия).

Искусство кочевников также весьма примитивно. Опять-таки, в противоположность земледельцам, они наиболее слабо ориентируются в отображении пространства. Не случайно у многих был запрет на изобразительное искусство, а некоторые религии, сформированные под сильным влиянием кочевого менталитета, препятствовали изображению Божества, т.е. его «фиксации» в пространстве, призванной показать Абсолютное как нечто присутствующее в нашем мире.

Сегодня «новые кочевники» усиленно навязывают индоевропейцам дегенеративное искусство, хаотизирующее пространство, представляющее его в виде беспорядочно соединенных осколков. Таков «авангардизм» во всех его проявлениях.

ОБОЛГАННЫЙ КАИН

Очень часто номадизм извращает различные традиции, приписывая им совершенно несвойственные положения, смыслы и образы. Очень сильно от такой инверсии пострадала Библия, точнее Книга Бытия. По нашему мнению изначально это был религиозный текст, испытавший серьезнейшее влияние древней гиперборейской традиции, осуществляемое в том числе и усилиями индоевропейцев-филистимлян (пеласгов - отсюда Палестина). Однако, влияния различных течений номадизма внесло туда множество инверсивных моментов, с готовностью воспринятых многими кочевниками-семитами (при этом нельзя забывать, что в древнем Израиле было весьма сильна и тенденция земледельческая).

Здесь особенно показателен библейский сюжет о Каине и Авеле, чрезвычайно значимый для т.н. «авраамических религий». Он дал начало целому ряду смысловых и образных интерпретаций. Преступник Каин является символом братоубийства и богоборчества, сравнение с ним стало чуть ли не обязательным правилом при характеристике определенных злодеяний («каинова война», «каинов грех» и т.д.). Казалось бы сущность этого ветхозаветного «мифа» совершенно очевидна и пересмотру не подлежит.

Тем не менее, внимательное прочтение Книги Бытия, вернее ее первых глав, убеждает, что все не так уж просто и однозначно. Вдумчивый наблюдатель сразу сталкивается с разительными противоречиями.

Прежде всего, совершенно непонятно, почему преступником оказывается именно земледелец, а жертвой - скотовод? Ведь уже в первой главе Бог, изгоняя Адама из рая, ставит перед ним довольно четкую искупительную задачу: в поте лица обрабатывать землю, добывая хлеб. Метафизический смысл этого завета очевиден - изгнанный из райского сада Адам должен искупать, по мере сил, свой грех, возделывая землю как сад, угодие, поле. Указанный символизм еще более очевиден, если учесть, что само имя «Адам» связано с землей (женск. род евр. *adamah* значит «земля», ср. лат. «*homo*» и «*humus*», т.е. «земля»). Несомненно, все это находится в острейшем противоречии с возвеличиванием первого скотовода Авеля.

Но противоречия на этом не заканчиваются. В Книге Бытия дается генеалогический ряд (Енох - Мафусал - Ламех), приписываемый там одновременно и Каину, и Сифу. Последний играет роль как бы «дубля» убитого Авеля, умершего без потомства. Складывается впечатление, что составители библейского корпуса столкнулись с двумя распространенными толкованиями одного и того же сюжета и решили как-то примирить их. Причем, если верна именно каинитская генеалогия, то противоречия еще более усиливаются - получается, что от Каина ведет свой род величайший подвижник Енох, взятый Богом с земли на Небо живым.

Кстати, третье противоречие связано как раз с перемещением на Небо. Согласно Библии, после братоубийства Каин был изгнан в некую землю Нод, находящуюся на востоке. Возникает вопрос - где это?

Для ответа на поставленный вопрос нужно углубиться в космогонический экскурс. Сразу вспоминается, что Эдем (райская страна, откуда изгнали Адама) также находится на востоке. Мы считаем необходимым обратиться, в данном случае, к святоотеческой трактовке подобной локализации. С точки зрения православных богословов, не рай находился на земле, а, напротив, сама земля располагалась в раю, на ангельском Небе, будучи священным Садам. Грехопадение Адама было вселенской катастрофой, которая как бы «взорвала» землю (именно так православные богословы наших дней, например, о. Василий Родзянко, трактуют естественнонаучную концепцию «большого взрыва»), приведя к возникновению нашей грубо-вещественной вселенной, в которой трагическим образом совмещаются два «плана»: 1) Богом созданная краса и гармония, 2) инспирированная сатаной-лжедемиургом («князем мира сего») ущербность, тленность и разъединенность коперникового «космоса». Поврежденная земля, она же - наша вселенная, естественно, ниспала с ангельского Неба, образовав отдельный «план» бытия. Однако, многие реалии земли, сохранили, в той или иной мере, прежние райские пропорции, символически указывая на утерянную небесную отчизну. Одним из таких символов является восток, теснейшим образом связанный с солнцем (восход) и небом. Посему локализация Эдема на востоке отнюдь не означала его нахождения на нашей земле. Эдем погиб во время грехопадения, превратился в «концентрационную вселенную» «демиурга». Но при всем при том сохранился сам рай, частью которого он был. Именно на этот рай и указывает положительный аспект нижнего мира, бывшего Эдема - в нашем случае это символизм востока.

Что же до земной родины Адама, то ей может быть только северный полюс, точка Абсолютного Норда. Именно здесь древнерусские богословы-эзотерики, принадлежавшие к мистическому ордену калик переходящих (подр. см. Елисеев А.В. Орден богатырей святорусских. «Царский опричник», № 12), располагали земной рай - страну, во время оно ставшую незримой для большинства (сразу напрашивается сравнение с иранской Варой, индийской Света-Дви́па, греческими Туле и Гипербореей). Тем же немногим, кто, в силу духовного величия, может достичь ее, она представляется твердью, соприкасающейся с небом, пронизанной светом и наполненной «веселия гласами» посреди этой нордической страны возвышается огромная гора, на которой находится нетварное изображение «Деисуса» (Христос, Дева Мария, Иоанн Креститель) («Послание архиепископа новгородского Василия к тверскому владыке Федору»).

Каин, сын Адама, мог уйти с абсолютно северной родины отца только на юг - это,

конечно, в том случае, если имеется ввиду сугубо пространственное перемещение. Если же подразумевается перемещение метафизическое, с одного плана творения на другой, то путешествие на восток, совершенное Каином, должно означать достижение им рая, символически выражаемого указанной стороной света. Это было перемещение праведника в рай. Вряд ли здесь можно говорить о взятии на Небо живьем (как Эноха) - все таки мотив убийства кажется нам вполне реальным. Вот только жертвой был не скотовод Авель, а земледелец Каин, мученик, павший от рук своего коварного брата. Рассмотренный библейский сюжет представляет собой древнейший нордический миф, повествующий о трагической междоусобице в стане гипербореев, о возникновении духовной расы кочевников, презревших заповедь Бога о возделывании земли. Авель - родоначальник «клана» белых предателей - тех, кто предал суть великой северной расы, тех, кто отказался от мужественного и героического преодоления адамова греха через преображение (духовное и физическое) изуродованной земли. (Расу Адама, расу гипербореев, мы считаем изначальной белой расой, предшественниками ариев. Другие расы произошли либо в результате смешения потомков Адама с другими людьми, либо от этих людей.)

Мы вовсе не собираемся, вслед за старыми правыми и примитивными «расистами», возлагать ответственность за деградацию нашей расы на инорасовые элементы. Во все времена именно белые отступники направляли различные подрывные течения, часто предпочитая прятаться за спины ими же созданных големов. Бесспорно, раскрутить маховик деградации было под силу лишь потомкам гипербореев, вернее, тем из них, кто исказил свою земледельческую, арийскую суть, используя мощь ее проявлений в анти-арийских целях. В принципе кочевники-агрессоры «классического», «тюрко-семитского» типа представляли собой гораздо меньшую угрозу, чем белые предатели (тем более, что в их среде первых существовала мощнейшая земледельческая, солнечно-имперская тенденция). Деятельность отступников менее декларативна, зато более эффективна и доводит номадизм до своего логического завершения, когда он не просто использует оседлую цивилизацию, но и превращает ее в кочевую, эксплуатируя при этом оставшиеся элементы оседлости.

Великий метафизический долг белого человека, ария состоит в том, чтобы «реабилитировать» Каина, символизирующего святость нашей расы, ее духовную и физическую мощь. О последнем ясно говорит даже его имя, вернее его семитский вариант - как и в случае с другими персонажами Библии - сам нордический прототип до нас не дошел. Слово «Каин» происходит от арабского «gain», т.е. «ковать», следовательно рассматриваемый нами персонаж был родоначальником ремесел и промышленности, в которых воплотился, реализовался аспект нордической гениальности. Одним из потомков Каина был некто Тувалкаин, названный в Библии «ковачом всех орудий из меди и железа» - очевидно здесь дан образ некоего древнего героя, чрезвычайно преуспевшего в деле промышленного преобразования земли. Другой потомок Каина - Иувал - «был отец всех играющих на гуслях и свирели», его можно

ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И КОЧЕВНИКИ

Автор: Александр Елисеев

11.07.2010 13:01 - Обновлено 11.07.2010 13:17

назвать родоначальником искусств, в которых столь сильны земледельцы. Любопытно, что его брат Иавал охарактеризован как скотовод - тут речь идет об оседлом скотоводстве, подчиненном земледелию.

Некогда известный традиционалист Рене Генон, опираясь на общепринятую трактовку мифа об Авеле и Каине, превратил последнего чуть ли не в символ инволюции, фактически противопоставив «традиционной» подвижности «инверсивную» фиксацию, связав последнюю с уплотнением мира, его материализацией. Однако, фиксация ни в коем случае не тождественна материализации, которой, напротив, ближе подвижность. Материя и есть абсолютная подвижность, изначальный хаос, из которого возник мир, возник в качестве божественной фиксации до-бытийного хаоса. Впрочем, абсурдной может стать и абсолютная неподвижность, по большому же счету и то, и другое совпадает в точке небытия. По сути дела, в случае с Геноном, наблюдается всплеск кочевой ментальности, поданный как традиционное мировоззрение. Для такого человека вполне естественным было принятие ислама, более соответствующего тюрко-семитскому мировоззрению, чем мировоззрению христианско-европейскому. Понятна нелюбовь Генона к городам и промышленности, ему милее примитивизм кочевников, который он пытается приписать любой традиционной цивилизации. Для Генона подозрительно все то, что связано с «плотными» минералами и их обработкой, однако, он сам вынужден признать тождественность образов райского сада и города. Не была секретом для него и сакральная роль камня, утверждаемая во всех традициях. Смехотворно читать главу его книги «Царство количества и знамения времени», в которой он пытается приписать современному миру гонение на все формы кочевого образа жизни (причем аргумент здесь только один - стремление цивилизовать цыган) - подобное утверждение нелепо для XX века, характеризующегося размыванием границ, хаотическим переливанием капитала и активностью могущественнейших диаспор. К сожалению, положения этого расового предателя и азиатствующего мракобеса до сих пор вдохновляют многих русских традиционалистов, часто способствуя их обращению (полному или частичному) в «веру» евразийства, являющегося одним из ярких проявлений номадизма.

ДИАЛЕКТИКА ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Никогда не следует абсолютизировать какое-либо противостояние, пусть даже оно предельно сущностно и интенсивно. В этом мире нет ничего абсолютного (абсолютно здесь только творящее и промыслительно направляющее божественное присутствие), в нем противоположности нуждаются друг в друге, и лишь их соединение способно создать нечто действительно жизнеспособное. Очевидно, что жизнь невозможна без смерти, созерцание без действия, центр без периферии. Вероятно, каждая из противостоящих друг другу реалий есть осколок чего-то целостного, существовавшего до онтологической катастрофы, именуемой «грехопадением», потому что бытийность одной «антитезы» и зависит от бытийности второй, и наоборот.

Могут возразить, что такой подход минимизирует величайшую проблему противостояния добра и зла, примиряя их. Однако, это будет неверным - мы отнюдь не собираемся «примирять» эти две, действительно несводимые, категории. Просто, под добром и злом мы понимаем не какую-либо качественную реальность (жизнь, смерть, центр, периферию и т.д.) - каждая из них сама по себе не добра, и не зла. Все зависит от конкретного использования конкретных реалий. Если они используются в целях онтологического движения к Бытию (Абсолюту), то имеет место быть добро, если же наличествует ориентация на небытие и Хаос, то речь идет о зле. Последнее, с данной точки зрения, небытийно, следовательно его нельзя считать противоположностью добра (как это делают дуалисты-«манихеи», невольно уравнивающие свет и тьму как начала, равные по мощи), скорее разговор должен вестись о противоположных направлениях движения.

Итак, противоречия не только могут, но и должны находиться в единстве. Другое дело, указанное единство противоположностей всегда будет иерархически устроенным - одна из противоположностей обязательно окажется доминирующей. В свете сказанного становится совершенно понятным, что оседлость ни в коей мере не исключает динамизма. Создание величайших империй происходило именно как предельно динамичное распространение фиксации на новые территории. Причем имперская экспансия не исчерпывалась военно-политической активностью государства, очень часто ее осуществляли и земледельцы-колонисты, расширяющие территорию империи посредством стремительных миграций (этот метод особенно характерен для России).

Можно сказать, что оседлые цивилизации диалектически используют подвижность в целях дальнейшего усиления фиксации, подчиняя первую второй. При этом они, опять-таки, уподобляются Абсолюту - неподвижному двигателю, который вращает

вокруг себя всю проявленную реальность, оставаясь в то же время совершенно неподвижным и неизменным.

Но, конечно же, все не ограничивается только лишь расширением имперской территории. Движение ради фиксации осуществляется и тогда, когда империя проводит социальные преобразования, призванные не уничтожить традиционный порядок, но усилить его, привести в соответствие с конкретными временными реалиями. К числу подобных консервативных преобразования можно отнести, например, социально-политическую реформу Константина Великого или опричнину Ивана Грозного.

«Неподвижной подвижностью» является и технико-экономическое развитие нации - появление новых орудий труда и средств вооружения.

Вряд ли можно, вслед за некоторыми буколическими «традиционалистами», рассматривать саму традиционную цивилизацию как нечто неспешное и застывшее в созерцании. Напротив, мир Традиции всегда бурлил (достаточно вспомнить все его войны, религиозные споры, дворцовые перевороты и т.д.), однако это было благородное бурление, в котором ощущается некое незыблемое постоянство, некий мощнейший духовный стержень, вращающий все, но вокруг себя, и, в конечном итоге, возвращающей все к себе.

Кочевая цивилизация также по своему диалектична. В ее случае уже происходит подчинение принципа фиксации принципу подвижности. Орды постоянно мигрирующих кочевников используют военно-политическую организацию (порой доводя ее до уровня империи) в целях дезорганизации пространства. Такие псевдо-империи недолговечны и раздраемы внутренними противоречиями (яркий пример - «империя» Чингизидов). Здесь неподвижность структур и традиций провоцирует подвижность варварской деструкции, придает ей большую организованность и эффективность.

Относительная фиксация кочевников символизирует Хаос, начало крайне подвижное и одновременно косное, не способное, в принципе, к созидательным акциям, стремящееся воспроизводить одну и ту же «дурную» статику, статику небытия. Если Абсолют желает сообщить творению Неизменность («Жизнь вечную») путем преображения ее, присоединения к своему Постоянству, то Хаос стремится вернуть все «вещи» в их добытийное состояние, т.е. законсервировать абсурдное бурление Бездны.

Представляет опасность не только излишняя, хаотическая подвижность, но и гипертрофированное стремление к фиксации. В пример можно привести древнюю китайскую земледельческую цивилизацию, замкнувшуюся в себе, потерявшую динамизм. Как известно, ее элита, в конечном итоге, оказалась неспособной управлять Китаем и он попал во власть чужеродной, кочевнической аристократии, более энергичной и талантливой. Указанное нами гипертрофированное стремление к покою и неподвижности, по большей части, должно рассматриваться как главная причина поражения сил Порядка в XX веке. Приходится признать, что элиты традиционных цивилизаций проявили довольно значительную косность, оказавшись неспособными дать адекватную реакцию на идейно-политическую и технико-экономическую активность агентуры Хаоса. Отсутствие тщательно разработанной идеологии, некая ущербность стиля, неприязнь к технической «революции» - все это ставило традиционалистов в заведомо проигрышное состояние. Традиционализм часто подменялся откровеннейшим обскурантизмом, причем, что самое прискорбное, последний практиковался и серьезнейшими теоретиками, пытавшимися придать традиционной мысли систему. Так, великий русский мыслитель Леонтьев, автор множества уникальных и по-своему новаторских доктрин обличал любое проявление подвижности. У него вызывали отвращение не только хозяйственные и политические преобразования, но и успехи научно-технического развития: «Всякая железная дорога и телеграфная нить, ускоряющая общение, движение (смещение жизни), есть проявление революции». Еще один выдающийся идеолог русской правой Л.А. Тихомиров на полном серьезе доказывал, что в любом продукте промышленного производства основу составляет (по себестоимости) сырье, а значит преимущество следует отдавать сырьедобывающим (в основном, аграрным) отраслям экономики. Тогдашнее имперское правительство России хоть и уделяло пристальное внимание развитию промышленности, однако, не беспокоило себя созданием эффективной государственной идеологии, способной противостоять натиску подрывных сил. Для него была характерна паразитическая вялость в области внешней политики. Военные успехи здесь не подкреплялись успехами политическими. Самый яркий пример - потеря влияния в Болгарии, освобожденной от турецкого ига русскими войсками.

Когда же сторонники Традиции признавали необходимость консервативной модернизации (модель «подвижной неподвижности»), то, в конце концов, она превращалась в модернизацию прогрессистскую, то есть налицо было уклонение в другую крайность. Весьма печально завершились реформы, начатые при Александре II и продолженные в начале XX века - они привели к либерализации российского общества. Такая неудача - результат редукции диалектического мышления, всегда чреватой неумением эффективно и гармонично «примирять» противоположности, использовать их.

Диалектика - великое орудие арийского, земледельческого Духа и без ее задействования одолеть наших врагов - новых кочевников - невозможно.

ФОРПОСТ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Нами уже указывалось на то, что носителей выделенных нами духовно-расовых типов, можно встретить в любой этнической группировке, однако разные этносы подвержены влиянию этих типов по-разному. Вне всякого сомнения, земледельческий архетип полнее всего реализован великой арийской (индоевропейской) расой. (Мы считаем необходимым использовать термин «арий» в отношении всех индоевропейцев - и не только из соображений эстетического характера. По нашему глубокому убеждению в определенный период времени так именовали себя все представители данной расы. Доказательством тому служит чрезвычайная распространенность «арийских» этнонимов в Европе. Так, древнейшее название Ирландии - Eire, «Влесова книга» именует славян ариями: «Мы сами - арии» и т.д.)

Уже само слово «арий» связано с земледельческой тематикой. В древнейшем праиндоиранском языке *агуа означало «владелец земельных участков» и имело своей основой *аг, т.е. «получать, приобретать, владеть». Указанные слова, безусловно, следует сопоставить с русским словом «орать», т.е. «пахать, заниматься земледелием». Одновременно «арийская» терминология выходит на аристократическую: греч. aristos - «благородный», инд. агуа - в том же значении, кельт. aire - «вождь, знать», рус. «боярин» (переход «ар» - «яр») - «ярый боец, воин». Наши древние предки почитали земледелие и землевладение в качестве благороднейшего занятия. И не случайно, арийские народы всегда твердо стояли на защите Порядка и цивилизации, всячески сопротивляясь нашествию с востока и юга различных кочевых, азиатских орд. В борьбе с ними ковался рыцарский, европейский дух, крепла имперская организация и технико-экономическая мощь Белого человека.

Славяне более всех оставались верны арийской, земледельческой основе существования Белой расы. Опять же, об этом свидетельствует даже этимология. В период своего изначального единства, праславяне именовали себя венедами, что сразу заставляет обратиться к словам «венчик», «венок», «веник» (в значении - «сноп») - земледельческая лексика налицо. И после распада на три ветви, каждая из них сохранила прежнее наименование, лишь видоизменив его. Западные славяне называли себя абсолютно по старому - венедами, южные - склавинами, т.е. «посланцами народа венедов» (ср. со старосл. «слы, склы» - послы), а восточные - антами, используя одну из форм этнонима «венед» («Вантит» - государство славян-вятичей, описываемое арабами). Общий этноним «славяне», скорее всего, заимствован именно у южных венедов, которые некогда практиковали чрезвычайно активную миграцию.

Славяне, в первую очередь, конечно же, русские - символ противостояния Леса и Поля Степи, это форпост арийского оседлого мира, возникший на границе с бескрайней полосой варварских кочевий. Венеды пришли в Приднепровье где-то в середине 2 тыс. до н.э. (по данным археологии) и они до сих пор населяют эти земли. Нашим предкам-земледельцам приходилось противостоять ужасающим по мощи нашествиям киммерийских, сарматских, аварских, хазарских, печенежских, половецких, монголо-татарских орд, и они не только выстояли, но и включили Степь в пределы Руси - великой арийской империи Третьего Рима.

У Руси была предшественница - Скифия, являвшаяся мощнейшей славянской державой, подчинившей себе огромное количество кочевых племен. Официальная наука тщательно скрывает факты, что еще до нашей эры в Приднепровье существовало сильное земледельческое государство. «Отец истории» Геродот четко различает внутри знаменитого «скифского квадрата» скифов-земледельцев и скифов-кочевников. Академик Б. А. Рыбаков и многие другие историки в первых видят именно славян, приписывая им создание развитых приднепровских культур XV-III вв. до н. э. Зона распространения этих культур удивительнейшим образом совпадает с зоной распространения древнейших славянских гидронимов (названий рек). Днепровские славяно-скифы подчинили себе кочевых скифо-иранцев, включив их в состав своей империи. Воины кочевой Скифии составили основу имперской конницы.

Скифское государства, конечно же, могло быть только славянским, т.е. славяне-сколоты доминировали в нем в военно-политическом и экономическом отношении. Лишь славянское Приднепровье с его богатейшей земледельческой культурой, с мощными городищами и укрепленными крепостями, имеет права претендовать на роль этнического «ядра», цементирующего всю имперскую многонациональную систему,

ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И КОЧЕВНИКИ

Автор: Александр Елисеев

11.07.2010 13:01 - Обновлено 11.07.2010 13:17

известную как Скифия.

Северные иранцы, скифы-кочевники были включены в эту систему днепровскими славянами-земледельцами во исполнение великой арийской миссии покорения Хаоса и Степи, как его геополитического символа. Они поставили на службу своей земледельческой империи многочисленные племена кочующих (в основном, в районе Дона) иранцев, вернув в лоно настоящей цивилизации братский арийский народ, чрезвычайно близкий славянам. Кстати, не в этом ли состоит наша миссия сегодня, когда народы Индоевропы находятся под игом «новых кочевников», перестроивших их жизнь по-своему?

Имперская традиция русских насчитывает как минимум три с половиной тысячи лет. Мы имеем не просто древнейшую историю, и даже не просто историю древнейшей государственности. Мы имеем историю древней имперской государственности, полнее всего воплотившей арийский архетип земледельца. И именно на нас возложена великая миссия покорения и обуздания всемирной Степи.